

Анна БЕРТОВА

ХРИСТИАНСТВО И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯПОНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

DOI: 10.31696/2542-1530-2021-5-243-272

С середины XIX в. Япония стала открываться после более чем двухвековой самоизоляции, столкнулась с гораздо более продвинутой западной цивилизацией и должна была стремительно модернизироваться. В стране начало распространяться христианство, которое оказало значительное влияние на формирование в Японии новой системы ценностей, в первую очередь, в сфере семейных и гендерных отношений – одной из самых традиционных и не склонных к радикальным переменам. Целью данной статьи является анализ пропагандируемого членами японского христианского сообщества второй половины XIX – начала XX вв. нового семейного уклада, а также воплощения этих идеальных ценностей в семейной жизни ряда японских христианских лидеров. Рассматривается также то влияние, которое христиане оказали на японское общество в вопросе повышения статуса женщины и борьбы с легализованной проституцией, институтом официальных наложниц и работорговлей. Несмотря на неоднозначное отношение к христианству в японском обществе, а также на недостаточное понимание японскими христианами причин тех или иных негативных социальных явлений, члены японского христианского сообщества, особенно отдельные его лидеры, своим примером оказали значительное влияние на изменение статуса женщины в обществе и подход к выбору партнера для создания семьи. Более того, некоторые предпринятые ими инициативы в итоге повлекли за собой реформирование японского гражданского кодекса в вопросе семейного законодательства в сторону сближения японских законов с западными. Таким образом, можно утверждать, что члены японского христианского сообщества старались строить свою семейную жизнь

на новых, не принятых ранее в стране идеалах, сильно расходящихся с традиционными, и отчасти преуспели в распространении этих идеалов и на японцев-нехристиан.

Ключевые слова: христианство, семейные отношения, гендерные отношения, Япония, семейное законодательство, легализованная проституция, институт наложниц, викторианская мораль.

В середине XIX века в Японии начали происходить масштабные перемены, которые затронули практически все сферы жизни японцев. После более чем двухсотлетней политики самоизоляции страна была насильственно открыта западными державами, а через некоторое время произошла так называемая революция Мэйдзи (1868), в результате которой к власти пришли сторонники императора и была ликвидирована система военного правления сёгунов, существовавшая в Японии с XII века. Последовавшие реформы Мэйдзи к концу XIX века привели к выходу Японии на совершенно новый уровень развития.

Преобразования во всех областях происходили в ускоренном темпе, так как над Японией висела угроза колонизации со стороны Запада, поэтому за короткие сроки стране необходимо было перенять огромное количество новых идей и технологий, на освоение которых у Запада ушло несколько веков. Поэтому значительная роль в этих преобразованиях принадлежала иностранным специалистам, приглашенным японским правительством. Многие из этих специалистов были одновременно христианскими миссионерами, в основном различных протестантских деноминаций [Бертова 2015, 144–145].

Эти люди, часто ведомые искренним стремлением помочь Японии занять достойное место в мире и распространить христианскую веру и европейские знания, привлекали к себе множество японских учеников.

В связи с этим, во второй половине XIX века произошел беспрецедентный всплеск увлечения японцев христианством. Первыми христианами становились преимущественно представители самого образованного самурайского сословия – с одной стороны, самого подготовленного к восприятию

более продвинутых знаний, но с другой стороны, весьма традиционно мыслящего, впитавшего за века своего доминирующего положения в стране идею о собственном интеллектуальном и нравственном превосходстве. Особенно сильны их традиции были в отношении моральных принципов и системы семейных отношений, окончательно сложившейся в период сёгуната Токугава (1603–1867). В чем-то христианство сильно импонировало молодым самураям, однако в вопросе гендерных и семейных взаимоотношений идеи, пропагандируемые миссионерами, поначалу казались японским юношам абсурдными.

В связи с этим, значительный интерес представляет проследить, как христианство влияло на создание нового идеала семейных отношений в Японии, а также как реальный уклад в семьях японских христиан соотносился с идеальным представлением о христианской семье, которое они продвигали и пытались привить в стране.

Семейный уклад периода Токугава и взаимоотношения мужчин и женщин в самурайских семьях

Для начала необходимо вкратце обрисовать, как строились семейные отношения до описываемого периода, когда установилась жесткая сословная система¹ со своими четкими правилами, призванными максимально сохранить стабильность и порядок в обществе.

В эпоху Токугава (1603–1867) статус женщины в обществе и семье стал гораздо ниже, нежели он был в предыдущие периоды. Во многом это было связано с основными положениями главной идеологии сёгуната – неоконфуцианства в трактовке китайского философа XII века Чжу Си (1130–1200), который полагал, что женщина по своей природе уступает мужчине во всем, и ее основная функция сводится к продолжению

---

¹ В период Токугава выделялось четыре сословия, высшим и наиболее уважаемым из которых считалось сословие самураев, затем шли сословия крестьян, ремесленников и торговцев. Со временем, несмотря на формальное сохранение самураями своего привилегированного статуса, значительное влияние и денежные ресурсы приобрело сословие торговцев.

рода мужчины и преданному выполнению материнских обязанностей [Adams 2009, 33]. Как существо, лишённое острого разума и движимое по преимуществу страстями и чувствами, женщину нужно было строго контролировать. Она должна была четко понимать свое положение и выполнять свой долг по поддержанию гармонии в семье.

Юридически женщина была несамостоятельна, поэтому все вопросы ее жизни решались при обязательном участии сначала отца или старшего брата, а потом мужа. Молодая жена оказывалась самым бесправным существом в семье, так как была обязана подчиняться всем родственникам супруга мужского пола, а также его матери.

Несмотря на то что женщины из обеспеченных сословий могли получать образование, последнее фокусировалось на том, как сделать их послушными и верными женами, готовыми в любой момент исполнить волю мужа. Для девушек из самурайского сословия это соотносилось с кодексом воинской чести бусидо, в котором самой главной добродетелью была верность господину и исполнение своего долга перед ним, причем в случае женщин господином был супруг. Одним из основных трудов, предназначенных для освоения юных девушек, было произведение японского неоконфуцианского философа XVII века Каибара Эккэна «Великое учение для женщин» («Онна дайгаку»), которое в подробностях описывало все те добродетели, которые должны были культивировать в себе девушки для того, чтобы стать достойными женами и продолжательницами рода [Adams 2009, 33].

Выбор спутницы жизни чаще всего происходил по совету родителей, искавших для своих детей наиболее выгодную партию, и не учитывал чувства молодых. По сути, сферы семейных и любовных отношений были разнесены и существовали отдельно. По этой причине в японском языке долго не было слова, которое бы описывало любовь к собственной жене, так как любовь в семейных отношениях вообще не предполагалась. Между тем, существовало слово, описывающее любовь как влечение к женщине, причем чаще всего либо запретное, либо осуществляемое по отношению

к обитательницам веселых кварталов: в этом контексте обычно употреблялось слово *иро*, не используемое для семейных отношений [Ballhatchet 2007, 178].

Наиболее известные любовные истории и романы, описываемые в литературных произведениях или же происходившие в реальности, касались не семейных уз, а взаимоотношений мужчин разных сословий с гейшами, и конец их чаще всего был драматичен.

Мужчина после вступления в брак продолжал обладать свободой отношений с женщинами, в то время как для жены необходимым условием была верность супругу. Измена со стороны женщины могла стать прямой причиной для развода, в то время как предъявлять аналогичные требования к супругу считалось невозможным. Мужчины могли иметь как мимолетные связи, так и более постоянные, в виде любовниц, чаще всего из веселых кварталов, или же наложниц, которые нередко происходили из низших сословий. Наложницы и любовницы могли обитать в домах, специально снимаемых для них мужчиной, и их посещение не считалось аморальным. Негодование общественности могли вызвать скорее излишние траты на возлюбленных в ущерб основному семейному бюджету – так как такое расточительство подрывало благополучие рода, конфуцианская мораль это осуждала.

С наступлением новой эпохи и всесторонними переменами в обществе Япония впервые познакомилась с политическим, экономическим и культурным устройством западных стран. Члены первых дипломатических миссий в Америку и страны Европы, а также японские иностранные студенты не могли не замечать, что отношение к женщинам на Западе значительно отличается от японского. Тем не менее, семейная сфера и сфера гендерных отношений оказалась одной из самых консервативных, и перемены там происходили крайне медленно.

Влияние христианской морали на представления об идеальных семейных отношениях

Одновременно с этим, после открытия Японии в страну устремились христианские миссионеры, стремившиеся

обратить японцев в веру и привить им «должное» представление о нравственности.

Первыми христианскими верующими, как было сказано, становились выходцы из самурайского сословия, получившие традиционное конфуцианское образование. Несмотря на то что при новом правительстве существовавшая в период Токугава сословная система была отменена, и самураи объединились с представителями низших сословий, усвоенные ими представления и моральные основы не изменились. Они продолжали считать себя элитарным сословием и блюстителями морали. Можно сказать, что принятие христианства способствовало для многих из них сохранению ощущения превосходства над выходцами из остальных сословий [Бертова 2018, 33–35]. Они пытались активно впитывать иностранные знания и воспринимать западную мораль, которая казалась им наиболее подходящей для Японии нового времени.

Необходимо отметить, что первые миссионеры способствовали распространению в Японии христианских ценностей, в первую очередь, своим собственным примером: проповедники этого периода отличались скромностью поведения и высокими моральными качествами, вызывавшими восхищение их паствы. Они выросли, в основном, на идеалах викторианской морали, распространившихся в это время не только в Британской империи, но также в США и некоторых других западных странах, в рамках которых мужчина и женщина считались равными перед Богом, а семейный союз объявлялся священным объединением, основанным, в первую очередь, на родстве душ двух супругов, а не на стремлении к наслаждению или продолжению рода. Несомненно, подобные отношения в реальности далеко не всегда были достижимы, однако миссионеры пытались привить среди своих юных японских учеников именно такой подход.

Огромное удивление юных самураев вызывало значительное количество женщин среди иностранных миссионеров, причем многие из них приезжали не просто как жены миссионеров, а как совершенно самостоятельные деятель-

ницы, обладающие незаурядным умом и харизмой¹. Это сплачивало вокруг них как девушек-японок, так и юношей, проникавшихся к женщинам искренней симпатией и преданностью. Большой резонанс среди представителей молодого христианского сообщества вызвала свадьба, которая произошла между миссионеркой Мэри Киддер, принадлежащей к Голландской реформатской церкви, и миссионером Эдвардом Миллером из Пресвитерианской церкви. Мэри Киддер, сумевшая в одиночку собрать вокруг себя значительное число учеников, была рада разделить с ними свою радость и пригласила всех на свадьбу. Изумление молодых японцев вызвало то, что жених был на 10 лет младше Мэри, а после заключения брака ушел со своей должности, чтобы помогать жене в ее работе [Ballhatchet 2007, 180]. Подобного рода взаимоотношения, очевидно, основанные на общности интересов и устремлений и искренней привязанности, были для молодых японских христиан в новинку.

Подобный идеал отношений постепенно начал распространяться среди членов христианского сообщества, особенно среди тех, кто имел возможность выехать за границу и вживую засвидетельствовать их на Западе. Однако даже первые христиане этого периода (из самурайского сословия) были поначалу возмущены идеей о потенциальном равенстве с женщинами. Так, один из будущих лидеров Протестантской церкви, Эбина Дандзэ (1856–1937), отказался слушать лекции по христианству в одном помещении с двумя девушками, которые также желали приобщиться к вере. Он не соглашался с увещеваниями проповедника Л.Л. Джейнза (1838–1909), пока жена миссионера не предложила выход – разделить юношей и девушек перегородкой или ширмой. Только это смогло примирить молодого самурая с ситуацией [Фуруя 2004, 35]. Интересно, что впоследствии, после более глубокого ознакомления с христианством он счастливо женился на одной из этих девушек.

---

¹ Согласно статистике, около двух третей всех христианских миссионеров в Японии в тот период были женщинами [Ballhatchet 2007, 180].

Примером наиболее прогрессивного с западной точки зрения отношения к женщине, несомненно, являлся выдающийся японский христианский деятель и миссионер Ниидзима Дзё (1843–1890), который, в отличие от многих своих соотечественников, прожил в Америке в течение весьма долгого времени – около 10 лет, причем уехал туда еще до революции Мэйдзи, в 1864 г. Ниидзима получил в Америке современное образование, стал протестантским проповедником и вернулся на родину, где начал активно содействовать распространению христианства и современного образования. Ниидзима основал первый в стране христианский университет Досиса («Общество единомышленников»), а также устроил первый в Японии христианский обряд бракосочетания. В жены Ниидзима выбрал выдающуюся женщину с крайне интересной судьбой: его избранницей стала Ямамото Яэ (1845–1932), на протяжении первого этапа своей жизни известная как женщина-воин, стойко защищавшая во время гражданской войны Босин (1868–1869)¹ один из последних оплотов сторонников сёгуната Токугава, замок Айдзу-Вакамацу. После взятия замка силами императора Яэ смогла уйти незамеченной и оказалась в Киото, где начала карьеру учительницы. Там же она приняла христианство и познакомилась с Ниидзима Дзё, вернувшимся из Америки. Тот был поражен мужеством, стойкостью девушки и ее характером: так, в одном из своих писем Ниидзима с восхищением писал, что Яэ ничего не боится, если речь идет о долге и вере [Hardy 1980, 202].

На протяжении всей их совместной жизни он проявлял к жене потрясавшее его учеников и сторонних наблюдателей уважение. Например, он впервые стал обращаться к жене с добавлением к ее имени уважительного суффикса «сан» («госпожа»), что в Японии того времени было просто немыслимо. Кроме того, он начал появляться вместе с женой на рикше, что также ранее было невозможно, потому что указывало

---

¹ Война годов Босин (1868–1869) – гражданская война между сторонниками последнего сёгуна Токугава Ёсинобу, и идеологами возвращения власти императору. Произошла уже после формального отречения сёгуна Ёсинобу и революции Мэйдзи и привела к окончательной победе императорских войск.

на равенство супругов. Более того, он всегда пропускал Яэ вперед, когда входил в какое-либо помещение. Это вызывало сильное негодование у учеников Ниидзимы, которые называли Яэ «плохой женой», совершенно не знающей своего места. Только после смерти Ниидзимы они прониклись к Яэ настоящим уважением – она пережила мужа более чем на 40 лет, больше не выходила замуж, но самоотверженно занималась помощью раненым в Обществе Красного Креста, за что дважды была награждена Орденом Драгоценной Короны, до этого предназначенным для награды женщин благородного происхождения за особые заслуги перед государством.

Пример Ниидзимы со временем начал передаваться и другим молодым христианам, которые все больше хотели видеть своими спутницами девушек, разделяющих их устремления.

Чем более японские христиане проникались западными моральными ценностями в области семейных и гендерных отношений, тем более разительным казался им контраст со сложившимися в Японии традициями. Некоторые молодые христиане начали активно призывать к изменению сложившейся ситуации, правда, их рвение не всегда воспринималось однозначно позитивно.

Так, большой скандал в японском обществе, и даже в христианском сообществе, вызвала написанная на английском языке книга японского христианина и пастора Тамура Наооми (1858–1934)¹ «The Japanese Bride» [Tamura 1893], в которой автор разоблачал все, по его мнению, порочные и неправильные японские обычаи в сфере семейных взаимоотношений. Тамура стал одним из первых японских студентов-теологов за рубежом и несколько лет провел в Америке, где своими глазами мог видеть, насколько положение западной женщины отличается от японской. Он был пленен распространенной среди представителей американского высшего обще-

---

¹ Тамура является одним из трех первых японских протестантских пасторов – в 1880 году он был рукоположен в пасторы вместе с двумя другими выдающимися японскими христианами – Уэмура Масахиса и Ибука Кадзиносукэ [Фуруя 2011, 110].

ства викторианской моралью, которая в своих идеалах разительно отличалась от японских традиций, и счел своим долгом вскрыть всю неприглядность японской семейной жизни, увиденную им через призму новообретенных христианских взглядов. В частности, например, он писал:

«Для японцев любовь и грубая плотская страсть – вещи из одной и той же категории. В любом случае применяется один и тот же грубый глагол «хорэру». При этом женитьба рассматривается как жизненная необходимость, важная церемония, но ни в коем случае не имеющая священного характера... Японцы никогда не испытывали сладости чистой «супружеской любви» [Tamura 1893 3].

За эти слова Тамура впоследствии неоднократно подвергался осуждению не только со стороны нехристиан, но и со стороны представителей христианского сообщества, обвинявших его в nepозволительных обобщениях и опорочивании своих соотечественников в глазах Запада [Anderson 2007, 218], но все же в его книге содержится ряд интересных наблюдений и сведений относительно семейной жизни японцев.

Например, Тамура писал, что основными причинами для развода с женой в японских семьях могли быть следующие: 1) неподчинение свекру и свекрови; 2) отсутствие детей; 3) прелюбодеяние со стороны жены; 4) ревность со стороны жены; 5) нехорошие болезни; 6) болтливость; 7) воровство. Кроме того, если жена не нравится мужу, он может развестись с ней и без особой причины. Часто развод происходит из-за того, что жену не любит свекровь. При этом жена права на развод не имела [Tamura 1893, 75–76].

Тамура отмечал, что после свадьбы молодожены в Японии чаще всего продолжают жить вместе с родителями мужа, заботясь о них. Свекровь во всем командует молодой женой, которая находится в доме на положении служанки – встает раньше всех, ложится позже всех и делает всю работу по дому [Tamura 1893, 68]. При этом муж имеет право делать все, что ему вздумается: не показываться дома неделю или даже месяц, завести себе наложницу, которую он может поселить

либо в своем доме, либо снять для нее частный дом. Жена же не может сказать ему ни слова в укор [Tamura 1893, 72]. Институт наложниц ни в коем случае не порицается; более того, иногда родители сами подыскивают наложницу для своего уже женатого сына [Tamura 1893, 74].

Судя по всему, это было недалеко от истины. По крайней мере, именно так обстояли дела в большинстве семей представителей имущих классов в период Токугава и в начале периода Мэйдзи. По мнению Тамура, только внедрение в Японию христианства могло исправить общественную мораль и нравы.

Еще одно любопытное наблюдение Тамура связано с тем, как молодые люди общаются друг с другом в западных странах и в Японии: он отмечает, что на Западе всюду распространены ухаживания молодых людей за девушками, поощряемые родителями, поэтому юноша и девушка могут на некоторое время остаться наедине и узнать друг друга поближе. Однако в Японии такой возможности не предоставляется: после достижения детьми семилетнего возраста между мальчиками и девочками возникает «японская стена», которая не позволяет им общаться – по конфуцианским представлениям, мальчик в семь лет уже не должен был находиться вместе с девочками, даже со своими сестрами [Tamura 1893, 10–12]. Именно это, по мнению проповедника, и являлось одной из важнейших причин того, что в Японии муж и жена часто оказывались совершенно незнакомыми и неблизкими друг другу людьми – у них просто не было возможности познакомиться поближе и сделать выводы относительно характеров друг друга.

Действительно, в Японии периода Токугава и начала Мэйдзи не было мест, где молодые люди разного пола из хороших семей могли бы беспрепятственно общаться друг с другом и иметь какое-то совместное времяпрепровождение. Как ни удивительно, первыми такими местами стали христианские церкви и миссионерские школы, где юноши и девушки могли наблюдать друг за другом и общаться. Миссионеры старались обеспечить своей юной пастве больше возможностей для совместного христианского досуга, который

скреплял ее не в меньшей степени, нежели участие в службах и чтение Библии. Молодые люди посещали общеобразовательные и духовные лекции, устраивали песнопения, учили английский язык, вели литературную деятельность. Появление мест и возможностей для совместного досуга, совершенно приличного даже для представителей высших сословий, действительно позволяло многим членам японского христианского сообщества выбирать себе пару не традиционным способом, по сговору родителей или через посредника или сваху, а исходя из личной привязанности.

Конечно, даже среди представителей японских христиан случались разводы, правда, воспринимавшиеся окружением крайне негативно. Причиной их, как это ни парадоксально (судя по проанализированным исследовательницей Х. Бэллхэтчет случаям браков выдающихся японских протестантских лидеров), было то, что яркие и самостоятельные японские христианки, получившие новое, более продвинутое образование в западном ключе, не были готовы вести традиционную жизнь японских домохозяек (подробнее см. [Ballhatchet 2007]). Если сами молодые христиане хотели видеть в своей избраннице стремление к саморазвитию, то их родители, прежде всего, матери, были людьми, воспитанными в старых традициях, поэтому ожидали от невестки качеств, присущих японской жене прошлого – беспрекословного послушания, готовности взять на себя все домашние дела, оставления всех амбициозных планов по собственному развитию. Далеко не все молодые христианки оказывались на это способны.

Например, один из выдающихся японских христиан, будущий основатель первого независимого японского христианского движения «Мукёкай» («Нецерковное движение»), Утимура Кандзо (1861–1930), сравнительно поздно присоединившийся к своим товарищам-христианам из-за учебы в городе Саппоро, на острове Хоккайдо, по возвращении в Токио стремительно погрузился в новый мир совместного пребывания с молодыми христианками и сделал свой выбор спутницы жизни по принципу ее яркости и независимости.

В результате, его первый скоропалительный брак с Асада Такэ, мечтавшей преподавать в христианской школе и способствовать развитию образования в Японии, закончился сокрушительной неудачей [Howes 2007, 129] – молодая жена не захотела слушаться свекрови и посвящать все свое время домашним делам. В итоге за их кратковременным браком последовал болезненный и неприятный развод, усложнившийся тем, что Такэ ждала ребенка, которого Утимура так и не захотел признать. Эти неприглядные обстоятельства отвратили от будущего проповедника его бывших друзей-христиан и заставили его уехать учиться в Америку, в надежде, что по возвращении дело несколько забудется [Бертова 2017, 235–236]. Своих следующих жен Утимура (а всего он был женат трижды) выбирал уже по традиционному принципу, желая найти женщину, которая сможет стать для него надежным тылом в традиционалистском японском обществе. Неудивительно, что основанное Утимурой христианское движение «Мукёкай» («Нецерковное движение»), призывающее к выработке в Японии своего, отличного от западного варианта христианства, учитывающего японские традиционные ценности и религиозное наследие, является одним из наиболее ортодоксально-патриархальных движений, где основная роль принадлежит наставнику мужского пола, который может не только учить своих учеников Священному Писанию, но и наставлять их в различных жизненных ситуациях [Бертова 2017, 245].

Между тем, один из наиболее выдающихся лидеров японского христианства, будущий глава одного из наиболее влиятельных объединений японских христиан – Церкви Христа в Японии¹, Уэмура Масахиса (1858–1925), был гораздо более удачлив в браке. Выбор Уэмуры пал на девушку по имени Яманоути Суэно, дочь богатого торговца и синтоистского священнослужителя, получившую хорошее конфуцианское образование, а затем решившую углубить свои знания в жен-

---

¹ Церковь Христа в Японии (Нихон кирисуту кёкай) – крупная и весьма влиятельная протестантская организация, основанная в стране представителями Японской пресвитерианской церкви. Под разными названиями существовала с начала 1870-х гг. вплоть до окончания Второй мировой войны.

ской христианской школе Феррис, открытой в городе Йокогама. Там она одновременно преподавала китайский и изучала английский язык. Вскоре она прониклась христианством, получила крещение, а затем обратила в веру и членов своей семьи, среди которых были синтоистские и буддийские священники [Ballhatchet 2007, 183].

Уэмура, воспитанный в строгих традициях, не общался с Суэно напрямую, однако, видимо, наблюдал за ней во время совместных мероприятий тесного круга местного христианского сообщества. В результате он укрепился в мысли, что такая твердая в вере, целостная натура, сама по себе стремящаяся к образованию и просвещению, станет для него отличной соратницей и единомышленницей. Поэтому он обратился к Суэно через одного из старших христиан, выдающегося проповедника Окуно Масацуна (1823–1910), с предложением выйти за него замуж. Суэно согласилась – вероятно, она также знала об Уэмура и могла видеть его раньше. Семейная жизнь Суэно оказалась далеко не безоблачной, так как мать Уэмуры придерживалась крайне традиционалистских взглядов и обладала сложным характером, поэтому она стала давить на невестку, заставляя вписываться в тот шаблон поведения настоящей японки, который сложился к тому времени. Однако Суэно, в отличие от Такэ, согласилась со своей ролью и предпочла верную поддержку делам своего выдающегося мужа собственному независимому развитию. Немалую роль в этом случае сыграло и то уважение, которое с самого начала выказывал к жене Уэмура. Он сохранял его даже в стенах собственного дома, что редко случалось в случае с японцами того времени, часто писал ей письма, в которых обращался к ней за советом относительно своих произведений, поощрял ее занятия учебной и написанием стихов. Однако удачным брак смог стать только потому, что Суэно, получив изначально весьма традиционное образование, была готова пойти на уступки и нашла свое призвание в служении семье своего мужа.

Сходной была ситуация с еще одним христианским лидером, Ибукой Кадзиносукэ (1854–1940), который впоследствии

стал вторым главой Церкви Христа в Японии после Уэмуры Масахисы. Ибука, также происходящий из самурайского рода, воспротивился воле родителей, выбравших для него невесту самостоятельно, и потребовал, чтобы его будущая жена получила западное образование и стала христианкой. Родители отослали выбранную невесту учиться в женскую христианскую школу, однако и после этого Ибука отказался, сам выбрав себе в жены христианку, выпускницу школы Кёрицу Мидзуками Сэкико. Его отношение к жене было таким же уважительным и трепетным, как и у Уэмуры, и он также делился с ней своими проблемами, писал письма, в которых воспринимал ее как свою единомышленницу. Правда, через 18 лет брака Сэкико умерла, и Ибука женился во второй раз. Однако и здесь он выбрал женщину самостоятельную и талантливую: Ибука женился на христианке Оосима Хана, которая до этого уже побывала замужем, прошла обучение в Америке и работала преподавателем в женской школе, где учила девушек сначала английскому, а потом и естественным наукам. Она стала одной из активных участниц японского филиала Женского союза воздержания, главой Союза Христианской молодежи (УМСА), директрисой нескольких женских христианских школ. С ней Ибука прожил вплоть до своей смерти в 1940 г., крайне почтительно относясь к супруге.

Удивительным примером совершенно нетипичного для Японии конца XIX в. брака стал союз выдающегося японского христианина, политического и экономического деятеля Нитобэ Инадзо (1862–1933) с американкой из семьи квакеров Мэри Паттерсон Элкинсон (1857–1938). Во-первых, это был один из весьма редких в то время интернациональных браков, причем основанных именно на любви и искренней привязанности. Во-вторых, совершился он против воли родителей молодых, и молодая жена-американка переехала в Японию вслед за мужем, где и прожила более 40 лет. Нитобэ Инадзо познакомился со своей будущей женой во время одного из образовательных мероприятий в Филадельфии, где он проходил стажировку. Мэри заинтересовалась его рассказом

о Японии, и когда он впоследствии отправился на дальнейшую учебу в Европу, они начали переписываться [Oshiro 1997, 3], причем Нитобэ делился с девушкой своими мечтами и планами на будущее [Oshiro 2007, 121]. Такая переписка была большой редкостью для японца того времени. В течение нескольких лет они обменивались письмами, а впоследствии эта эпистолярная связь переросла в романтическую. Однако их желание составить пару не было поддержано родителями влюбленных, особенно отцом Мэри. Тем не менее, в 1891 г. брак был заключен, и после примирения с родителями супруги отправились в Японию. Там Мэри прожила всю жизнь, поддерживая мужа, который, находясь под впечатлением от семьи своей жены, сам стал квакером. Первые годы своей совместной жизни они жили в городе Саппоро, на Хоккайдо, острове, который еще не был до конца освоен японцами. Нитобэ стремился ускорить этот процесс, занимался просветительской деятельностью и даже открыл первую благотворительную вечернюю школу для работающей молодежи. Показательно, что значительную часть денег на этот проект дала Мэри, незадолго до того получившая наследство [Oshiro 1997, 5]. В дальнейшем Мэри была постоянно поддержкой и опорой для своего супруга, который начал занимать разнообразные и весьма высокие посты не только в Японии, но и в колониях – прежде всего на Тайване, а также в странах Европы. Сам Нитобэ утверждал, что именно жена стала вдохновительницей одного из его самых известных трудов – книги «Бусидо», изданной в 1899 г. и посвященной корням японской традиционной самурайской морали и воинского кодекса чести [Oshiro 1997, 6]. Мэри занималась продвижением работ Нитобэ, а также заботилась о его учениках. Однако быт в их доме был скорее устроен на западный, нежели на японский манер: хотя они жили в Японии, Нитобэ не стал настаивать на том, чтобы жена перенимала японские обычаи, а скорее пытался сам подстроиться под ее привычки [Oshiro 1997, 9]. При всем этом Мэри стала идеальной хозяйкой, которой удавалось своим поведением расположить к Нитобэ вышестоящих людей и создать ему прекрасный имидж как в Японии,

так и в других странах, где им приходилось жить по долгу службы. Даже после смерти Нитобэ Мэри осталась в Японии и сделала все, чтобы опубликовать наследие своего мужа, его дневники и свои воспоминания о нем. Хотя Мэри так и не выучила японский язык и не освоила японские обычаи, она искренне считала Японию своим настоящим домом, и это отношение не могло не вызывать уважение окружающих ее японцев.

Таким образом, несмотря на отдельные неудачи, представители японского христианского сообщества пытались изменить тот традиционный взгляд на семейные отношения, который укоренился в японском обществе. Правда, при этом им приходилось преодолевать значительное сопротивление своего окружения, причем подчас самых близких людей – родителей, которые все еще были представителями предыдущей эпохи и не были готовы к столь стремительным изменениям в рамках своих собственных семей. Более того, их успехи во многом зависели от готовности их избранниц выполнять те обязанности, которые предписывались им многовековыми японскими традициями.

Попытки законодательного реформирования системы семейных и гендерных отношений

Представители японского христианского сообщества, наиболее активная часть которого состояла из людей весьма образованных, часто уже успевших побывать за границей и непосредственно увидеть, как обстоит жизнь на Западе, не могли оказаться в стороне от происходивших в Японии изменений и реформ. В частности, они включились в масштабное Движение за свободу и народные права (Дзию минкэн ундо), в которое входили представители самых разных социальных слоев и групп. Они пытались распространить в Японии западные представления о свободе и демократии, однако для христиан одной из первостепенных задач было повышение статуса женщины в семье и в жизни общества.

Один из христианских просветителей, журналист и деятель образования Ивамото Ёсихару (1863–1942), также входивший

и в Движение за свободу и народные права, пытался распространять образование среди женщин и бороться за повышение их статуса в обществе. В частности, он издавал известный в то время журнал «Дзэгаку дзасси» («Журнал женского образования»), в котором публиковались статьи, призванные воспитать женщин нового поколения, готовых к созданию семьи нового типа. Он также одним из первых начал привлекать внимание японцев к проблеме помощи женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, а также говорить о необходимости отмены таких негативных практик, как легализация проституции и институт официальных наложниц [Бертова 2017, 83].

Действительно, в эпоху Мэйдзи новое правительство поначалу во многом продолжило политику предыдущего периода в отношении семьи и брака. Положение женщины в семье даже в условиях революционных преобразований не спешило меняться. По гражданскому кодексу Мэйдзи в качестве основы построения японской семьи утверждалась идеология системы *иэ* (*иэ сэйдо*) и семьи-государства (*кадзюку кокка*). В рамках патриархальной системы *иэ* утверждалось незыблемое первенство мужчин в семье. Такая патриархальная семья со строгим укладом считалась базовой ячейкой общества, основой аналогично устроенной государственной системы, во главе которой мыслился император [15, 335]. Роль женщины при этом в первую очередь определялась необходимостью создать дополнительную поддержку императорской системе и развивать образ «хорошей жены и мудрой матери» (*рёсай кэмбо*), то есть основной функцией женщины, как и прежде, считалась исключительно забота о хозяйстве, воспитание детей и подчинение главе семьи в рамках системы *иэ* [17, 86–87]. Конституция Мэйдзи 1889 г. только подтвердила это установление, не признав политических прав женщин.

Более того, в 1870 году правительство провозгласило постановление под названием «Синрицу корё», или «Основные положения новых установлений», в котором утверждалось, что жена и наложницы одинаково являются для мужа

родственниками второй степени, то есть они получали одинаковый статус внутри семьи [18, 17–18]. Таким образом, институт наложниц не просто был легализован: по факту жена и ее дети не имели преимуществ перед наложницей и ее детьми, и основную роль играло то, кто из них первой произведет на свет наследника мужского пола. Это наносило серьезный удар по положению законной жены, причем вне зависимости от ее социального происхождения.

Правительство продолжало спокойно относиться не только к наложницам, но и к проституции. Единственным отличием от предыдущего периода стало то, что для создания имиджа продвинутой страны была введена система легализованной проституции, в рамках которой все проститутки должны были для получения лицензии проходить периодическое медицинское обследование¹. Таким образом, связи мужчины на стороне, вне семьи, никоим образом не порицались.

При этом существовала и еще одна серьезнейшая социальная проблема: так как проституция была официально признана, для пополнения рядов работниц данной сферы была распространена торговля детьми, когда представители малоимущих семей продавали своих дочерей, часто совсем еще малолетних, в проститутки. Иногда детей забирали насильно за долги родителей. В итоге девушки, вовлеченные в индустрию проституции с малых лет, практически не имели возможности самостоятельно вырваться из нее: когда их забирали на работу, составлялся контракт, в котором хозяева борделей прописывали огромные суммы, которые якобы должны были быть потрачены на подготовку и воспитание девушки,

---

¹ Одной из причин поддержания института проституции было то, что правительство стремилось максимально укрепить армию, в которую чаще всего набирали молодых и неженатых мужчин, для которых лицензированные проститутки без венерических заболеваний становились средством для снятия стресса и напряжения. К тому же, власти имели довольно тесные связи с хозяевами борделей, и последние делились информацией о различных преступных группировках. В 1881 г. по всей Японии было зарегистрировано 586 веселых кварталов, из которых 243 действовали по особому поощрению правительства [12, 102].

и последняя не могла уйти от своих хозяев, не выплатив эту сумму с многолетними процентами. С приобретением Японией колоний девушек стали отправлять и туда, для «утешения» солдат. Положение последней категории проституток было ужасающим, так как часто их отправляли в места назначения нелегально и против их собственной воли, оплата их услуг была мизерной, и их положение фактически было рабским.

Представители японского христианского сообщества не могли остаться в стороне от этих проблем, которые, по их мнению, подрывали общественные нравы и создавали неблагоприятный имидж Японии в мире. В 1886 г. для помощи попавшим в беду женщинам и реабилитации проституток усилиями американской миссионерки Мэри Клемент Ливитт (1830–1912) был основан Женский христианский союз воздержания в Японии, отделение Всемирного женского христианского союза воздержания¹. Председательницей союза в Японии стала христианка Ядзима Кадзи (1832–1925), директриса женской школы Сакураи. Большинство членов японского союза воздержания происходили из обеспеченных слоев населения и принадлежали к самурайским или богатым купеческим семьям. Тем не менее, многие из них лично на себе испытали тяготы традиционного японского семейного уклада и укоренившихся в обществе взглядов на то, что позволено, а что не позволено делать женщинам. Многие были несчастны в семейной жизни. Так, глава японской ветви Союза, Ядзима Кадзи, изначально была замужем за сильно пьющим мужчиной, который жестоко избивал ее. Несмотря на общественное осуждение, она развелась с ним, а потом вступила в запретную связь с женатым мужчиной, от кото-

---

¹ Первый Женский союз воздержания возник в 1874 году в Америке (Кливленд, Огайо) и был направлен на борьбу с различными пороками, в первую очередь, с алкогольной зависимостью, а также связанными с ними негативными последствиями для жизни женщин и детей. Его идейным вдохновителем и организатором стала общественная деятельница и борец за права женщин Франсис Э. Уиллард, которая через некоторое время вывела союз на международный уровень, предложив организовывать его ответвления в разных странах.

рой родился незаконнорожденный ребенок. Переживая позор и упреки окружающих, мучаясь угрызениями совести, Ядзима приняла христианство [12, 106], а затем стала одной из ведущих христианских активисток. Похожая нелегкая судьба была и у многих других участниц японского Союза. Вероятно, принятие христианства и активная борьба за права женщин для многих стала не только началом новой духовной жизни, но и своего рода оправданием их крайне незавидного в глазах окружающих положения, в котором оказывались разведенные женщины.

Со временем, в помощь японской ветви Союза воздержания было образовано вспомогательное представительство Всемирного союза под председательством десяти иностранных миссионерок и жен миссионеров [12, 102]. Вместе они поставили своей целью изменить домашний уклад и семейную жизнь современных японок, полагая, что нынешнее семейное устройство крайне негативным образом сказывается на японских женщинах и угнетает их. Иностранные миссионерки также выступили с рядом передовых для Японии инициатив, связанных с помощью женщинам в трудной ситуации. В число последних входили не только проститутки, но и женщины, страдающие от домашнего насилия, измен мужей или принуждения со стороны родственников. Одной из своих важнейших задач Союз поставил повышение статуса женщины и уравнивание в правах с мужчинами, и его активистки начали активную борьбу за введение фактической моногамии, постоянно подавая петиции в Палату старейшин, а после учреждения японского парламента – и в парламент. В частности, они выступали за изменение закона, по которому каралась только измена со стороны жены, – с тем, чтобы он распространялся и на измену со стороны мужа. Кроме того, одним из стремлений Союза была отмена легализованной проституции.

Активистки союза, происходившие из наиболее зажиточных слоев населения, старались доказать, что самые просвещенные и элитные слои японского общества должны принять моногамию, а также соблюдать целомудрие до брака,

сделав это новой обязательной нормой для Японии, претендующей на звание цивилизованной страны. Глава Союза, Ядзима Кадзи, даже написала брошюру, в которой пропагандировались идеалы просвещенной моногамной семьи, причем в качестве модели подобных отношений предлагалась императорская чета – император Мэйдзи и императрица Харуко. Император и императрица представлялись примером идеально гармоничной связи между мужчиной и женщиной, где добродетели императрицы органично и естественно дополняют мудрость императора [11, 24]¹. Акцентирование моногамии и целомудрия, вероятно, было так важно для членов Союза не только из моральных соображений: поскольку семейное законодательство не делало преференций детям от официальной жены, последняя после смерти мужа могла остаться ни с чем, если у наложницы рождался сын.

Долгие усилия членов Союза на почве пропаганды и подачи петиций дали свой результат: в 1898 г. семейное законодательство все же было изменено. В результате гражданский кодекс учредил как систему именно моногамный брак (иппу иппу сэй) [15, 331], а внебрачные дети утратили права на получение наследства отца [11, 29]². Это было несомненной победой новой японской христианской элиты, однако, по большому счету, стало возможным исключительно потому, что эта реформа шла в общем русле создания правительством благоприятного, более цивилизованного имиджа Японии в глазах Запада.

С работой по отмене легализованной проституции дело обстояло еще сложнее. Одной из основных проблем было то, что члены Союза, представительницы высших классов были

---

¹ Правда, в брошюре не упоминался тот факт, что императрица Харуко была далеко не единственной возлюбленной императора – помимо нее, у него было несколько официальных наложниц, а также целый ряд неофициальных. Институт официальных наложниц для императора был отменен только при следующем императоре, Ёсихито (он же император Тайсё, 1912–1926).

² Однако и после этого многие мужчины продолжали иметь наложниц, любовниц и др., в то время как связи женщины на стороне могли караться законом, а вступившая во внебрачную связь женщина могла быть посажена в тюрьму на срок до двух лет [15, 331].

крайне далеки от проблем неимущих слоев и не до конца понимали, как девушки становятся проститутками: они полагали, что происходит это в первую очередь вследствие развращенности представительниц низших классов, тогда как основной причиной была нужда. Так, многие неимущие родители сами продавали своих дочерей сутенерам и владельцам веселых кварталов, чтобы получить за это деньги на пропитание, поэтому девушки оказывались в совершенно безвыходной ситуации. Из-за этого непонимания члены японского Союза не столько пытались помочь падшим женщинам, сколько априори осуждали их и ратовали за ликвидацию легализованной проституции, совершенно не заботясь о том, что при этом станет с самими женщинами [12, 107].

Спасти и перевоспитать падших женщин в Японии поначалу стремились прежде всего иностранные миссионерки – члены вспомогательного совета Всемирного союза поддержания, которые должны были поддерживать его японский филиал.

Для спасения и реабилитации японских проституток иностранные миссионерки основали в 1894 г. приют Дзайкан («Дом милосердия и любви»). Проституткам, попадавшим в Дзайкан, давали базовое образование, в первую очередь, учили чтению и письму, а также прививали навыки, которые потом могли помочь им вести достойную жизнь и самим себя обеспечивать. Так, их учили выполнять обязанности западной домработницы: готовить, стирать, шить, печь хлеб и булочки. При этом им внедрялась мысль, что избежать деградации можно только через христианское учение. Однако оставались в приюте лишь единицы – большинство из них было возмущено необходимостью вместе с учебой заниматься домашней работой, которая еще вряд ли могла быть полезна в Японии, где западный образ жизни еще не был привит в достаточной степени, поэтому они бежали из приюта [12, 109–110]. Причиной неуспеха этого предприятия было, в первую очередь, то, что западные миссионерки «спасали» проституток исходя из своих представлений об идеальной независимой жизни женщины, которая была актуальна для

Америки и Европы, но далеко не всегда подходила для Японии. В западных странах большинство проституток были представительницами национальных меньшинств или иммигрантками и часто не являлись христианками, поэтому для возвращения их в западное общество требовалось в первую очередь привить им христианские ценности и обратиться в веру, а также снабдить полезными для жизни в этом обществе умениями, которые позволили бы им зарабатывать себе на жизнь честным путем. Однако японским проституткам для нормального существования в нехристианском японском обществе это совершенно не требовалось, как не нужно было и большинство из западных навыков, которые миссионерки пытались им привить [12, 99].

Приют Дзайкан смог приобрести большую популярность среди японок только в начале XX в., что во многом было связано с изменением программы пребывания в нем и смещения приоритетов в сторону воспитания женщин, которые могли бы стать идеальными христианскими женами для японских мужей-христиан и построить настоящую христианскую семью, основанную на взаимной любви и преданности. Если в 1901 г. в Дзайкан было только 4 ученицы, то в 1911 г. их было уже 22 [12, 111–112]. Его деятельность постепенно расширялась, однако западные миссионерки далеко не всегда доверяли японцам, предпочитая полагаться на западных проповедников. Это привело к все более возрастающему чувству отчуждения между членами японского Союза и иностранными членами вспомогательного совета.

Одновременно с этим, примерно с конца первого десятилетия XX в. японские участницы Союза начали пересматривать свои взгляды на проблему проституции, постепенно признавая, что для многих женщин причиной вступления на этот путь стала не их аморальность, а крайние жизненные обстоятельства. Пересмотр отношения шел следующим путем. Члены Союза активно выступали против вывоза японских женщин за границу в качестве проституток, утверждая – с налетом высокомерия женщин из обеспеченных сословий, – что подобная практика порочит образ японок по всему миру.

Однако в 1919 г. представительская группа Союза впервые решила более подробно изучить этот вопрос на месте: японские христианки впервые посетили различные регионы Дальнего Востока, Сибирь и Маньчжурию, куда в основном и вывозили японских женщин. Там группа смогла на месте познакомиться с некоторыми из жертв такой торговли и пришла к осознанию того, что многие несчастные являются не злостными развратницами, не имеющими ничего святого, а лишь жертвами обстоятельств и ужасной нищеты.

Поэтому члены японского Союза (христианки) начали предпринимать усилия по активизации программ спасения проституток, предпочитая теперь забирать инициативу из рук иностранных миссионерок. Более того, за время своих командировок они наладили связи с правительством, так как составляли для некоторых министерств доклады о происходящем на посещенных ими территориях. Это укрепило их положение и позволило более эффективно предлагать различные законодательные инициативы. Так, Союз начал регулярно отправлять в японский парламент петиции, призывающие запретить вывоз женщин и детей за границу, и в конце концов их призывы возымели действие – в 1927 г. правительство пошло на уступки, и страна присоединилась к принятой в 1923 г. конвенции Лиги Наций о запрете нелегального вывоза женщин и детей за границу [11, 26].

Таким образом, представители христианского сообщества развернули довольно бурную деятельность в области исправления нравов японского общества. Конечно, нельзя не отметить, что наряду с причинами исключительно высокоморальными, ими двигали и личные, часто материальные причины¹. Более того, многие их предприятия не имели особого успеха, так как осуществлялись с позиций представителей высших общественных классов, которые далеко не всегда могли понять мотивы, которыми были движимы неимущие слои.

---

¹ В частности, пересмотр семейного законодательства значительно укрепил положение японских христианок из зажиточных слоев населения, являющихся законными женами – они получили преимущественное право на имущество супруга в случае смерти последнего.

Тем не менее, постоянная петиционная деятельность и активная позиция японских христиан в конце XIX – начале XX в. не только способствовала формированию особого морального духа внутри самого христианского сообщества, но и в значительной степени повлияла на жизненный уклад японцев-нехристиан. Особенно стоит отметить, что мощной движущей силой в японском христианском сообществе были женщины, занимавшиеся большинством организационных вопросов [19, 317], что было нехарактерно для патриархального японского строя.

Конечно, в сфере семейного устройства, одной из самых консервативных, изменения происходили небыстро. Так, женщины получили политические права лишь в 1946 г., а легализованная проституция была окончательно отменена лишь в 1956 г. [15, 333], причем уже не в результате деятельности христианских союзов, а в рамках работы движения за права женщин в целом и стремления японских властей вывести Японию на новый уровень развития в эпоху периода высоких темпов экономического роста. Однако, несмотря на это, подготовительная работа для этих важнейших перемен проходила на протяжении последней трети XIX – начала XX века, и одним из флагманов проведения этой работы было именно японское христианское сообщество.

Заключение

История христианского сообщества в Японии и его борьбы за более современные моральные устои проходила на фоне различных исторических тенденций. С одной стороны, частичному успеху христиан на почве борьбы за новые семейные ценности и повышение статуса женщины в обществе и внутри семьи способствовало стремление властей вывести Японию на качественно более высокий уровень развития, заставить Запад признать страну цивилизованной и таким образом избежать угрозы колонизации. С другой стороны, когда государство окрепло после проведенных реформ, в нем возобладали националистические тенденции, в рамках которых, наоборот, традиции обрели статус сакрального, а императорский дом во главе с отцом и господином государства,

императором, стал считаться идеальным примером для строительства каждой семьи. Постепенно религиозные свободы начали сворачиваться, и все конфессии, включая христиан, должны были подчиниться установлениям идеологии государственного синтоизма и пойти на значительные уступки правительству. В частности, пострадали многие движения либерального толка, борющиеся за права обездоленных, повышение статуса и расширение прав женщин. Их возрождение произошло только после поражения Японии во Второй мировой войне.

Тем не менее, усилия японских христиан не прошли даром. Они действительно смогли создать в Японии конца XIX – начала XX века свое специфическое религиозное сообщество, в котором изо всех сил стремились привить и распространить христианские моральные идеалы. Отношение христианских лидеров к построению семейных отношений значительно отличалось от общепринятых, и требовало от японских христиан значительной смелости, потому что они дерзали бороться с многовековыми устоями, прежде не подлежавшими пересмотру. Для многих стойкость в этом вопросе поставила крест на светской карьере, но это не смутило их, а, наоборот, заставило более активно продвигать свои взгляды. Усложнялось это тем, что некоторые японские христиане были вынуждены бороться не только с представлениями посторонних людей и чуждыми обстоятельствами, но и вступать в конфликты с членами своих собственных семей – родителями и старшими родственниками, не разделявшими их взгляды. Тем не менее, большинство христианских лидеров преодолело эти трудности и смогло подать достойный пример своим ученикам.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что японское христианское сообщество на описываемом этапе представляло собой весьма самобытную, специфическую общность, состоящую из людей, стремящихся совместить традиционное воспитание и ценности с новыми идеалами и моральными ориентирами, которые предлагала Японии христианская культура.

ЛИТЕРАТУРА

Бертова А.Д. Некоторые аспекты влияния христианства на формирование новых принципов образования в Японии в конце XIX – начале XX в. // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2015. № 9. С. 143–149.

Бертова А.Д. Самураи и христианство: к вопросу о сословной принадлежности японских христиан второй половины XIX века // *Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 4 (33). С. 132–146.

Бертова А.Д. Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа. СПб.: Наука, 2017. 318 с.

Фуруя Ясуо. Нихон-но кирисуту-кё (Японское христианство). Токио: Кёбункан, 2004. 282 с.

Фуруя Ясуо. Нихон-но кирисуту-кё-ва хоммоно ка? Нихон кирисуту-кёси-но сёмондай (Настоящее ли японское христианство? Проблемы истории японского христианства) Токио: Кёбункан, 2011. 166 с.

Adams, Kenneth A. Modernization and Dangerous Women in Japan // *The Journal of Psychohistory*. Vol. 37. No. 1. 2009. P. 33–44.

Anderson, Emily. Tamura Naoomi's *The Japanese Bride*: Christianity, Nationalism, and Family in Meiji Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2007. Vol. 34. No. 1. P. 203–228.

Ballhatchet, Helen. Christianity and Gender Relationships in Japan: Case Studies of Marriage and Divorce in Early Meiji Protestant Circles // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2007. Vol. 34. No. 1. P. 177–201.

Hardy, Arthur. S. Life and Letters of Joseph Hardy Neesima. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1891. Reprinted by Kyoto (Japan): Doshisha University Press, 1980. 350 p.

Howes, John. Christian Prophecy in Japan: Uchimura Kanzo // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2007. Vol. 34. No. 1. P. 127–150.

Mihalopoulos, Bill. Mediating the Good Life: Prostitution and the Japanese Woman's Christian Temperance Union, 1880s – 1920s // *Gender and History*. 2009. Vol. 21. No. 1. P. 19–38.

Ogawa, Manako. Rescue Work for Japanese Women: The Birth and Development of the Jiaikan Rescue Home and the Missionaries of the Woman's Christian Temperance Union, Japan, 1886–1921 // *U.S. – Japan Women's Journal*. 2004. No. 26. P. 98–133.

Oshiro, George M. Mary P.E. Nitobe and Japan // *Quaker History*. 1997. Vol. 86. No. 2. P. 1–15.

Oshiro, George M. Nitobe Inazo and the Sapporo Band: Reflections on the Dawn of Protestant Christianity in Early Meiji Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2007. Vol. 34. No. 1. P. 99–126.

Suzuki, Michiko. The Husband's Chastity: Progress, Equality, and Difference in 1930s Japan // *Signs*. 2013. Vol. 38. No. 2. P. 327–352.

Tamura, Naomi. *The Japanese Bride*. New York: Harper & B Publishers, 1893. 92 p.

Usui, Chikako; Rose, Suzanna; Kageyama, Reiko. Women, Institutions, and Leadership in Japan // *Asian Perspective*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 85–123.

Wakakuwa Midori, Paskowitz Shiyang, Paskowitz Tom. The Gender System of the Imperial State // *U.S. – Japan Women's Journal*. English Supplement. 2001. No. 20/21. P. 17–82.

Yamaguchi Satoko. Christianity and Women in Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2003. Vol. 30. No. 3–4. P. 315–338.

REFERENCES

Bertova, Anna D. (2015) Nekotorye aspekty vliyaniya hristianstva na formirovaniye novykh printsipov obrazovaniya v Yaponii v kontse XIX – nachale XX v., *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, No. 9, pp. 143–149. (In Russian).

Bertova, Anna D. (2018) Samurai i hristianstvo: k voprosu o soslovnoi prinadlezhnostiyaponskih hristian vtoroi poloviny XIX veka, *Mezhdunarodniy zhurnal issledovaniy kultury*, No. 4 (33), pp. 132–146. (In Russian).

Bertova, Anna D. (2017) *Hristianstvo v Yaponii: opyt istoriko-religiovedcheskogo analiza*, Saint Petersburg, Nauka. (In Russian).

Furuya, Yasuo (2004). *Nihon no Kirisutokyo* (Japanese Christianity), Tokyo, Kyobunkan. (In Japanese).

Furuya, Yasuo (2011). *Nihon no Kirisutokyo-wa honmono ka? Nihon kirisutokyoshi-no shomondai* (Is Japanese Christianity Genuine? Problems of the History of Christianity in Japan), Tokyo, Kyobunkan. (In Japanese).

Adams, Kenneth A. (2009) Modernization and Dangerous Women in Japan, *The Journal of Psychohistory*, 37 (1), pp. 33–44.

Anderson, Emily (2007). Tamura Naomi's *The Japanese Bride: Christianity, Nationalism, and Family in Meiji Japan*, *Japanese Journal of Religious Studies*, 34/1, pp. 203–228.

Ballhatchet, Helen (2007). Christianity and Gender Relationships in Japan: Case Studies of Marriage and Divorce in Early Meiji Protestant Circles, *Japanese Journal of Religious Studies*, 34/1, pp. 177–201.

Hardy, Arthur S. (1891) *Life and Letters of Joseph Hardy Neesima*, Boston and New York, Houghton, Mifflin and Company, reprinted by Kyoto (Japan), Doshisha University Press, 1980.

Howes, John (2007). Christian Prophecy in Japan: Uchimura Kanzo, *Japanese Journal of Religious Studies*, 34 (1), pp. 127–150.

Mihalopoulos, Bill (2009). Mediating the Good Life: Prostitution and the Japanese Woman's Christian Temperance Union, 1880s – 1920s, *Gender and History*, Vol. 21, No. 1, pp. 19–38.

Ogawa, Manako (2004). Rescue Work for Japanese Women: The Birth and Development of the Jiaikan Rescue Home and the Missionaries of the Woman's Christian Temperance Union, Japan, 1886–1921, *U.S. – Japan Women's Journal*, No. 26, pp. 98–133.

Oshiro, George M. (1997) Mary P.E. Nitobe and Japan, *Quaker History*, Vol. 86, No. 2, pp. 1–15.

Oshiro, George M. (2007) Nitobe Inazo and the Sapporo Band: Reflections on the Dawn of Protestant Christianity in Early Meiji Japan, *Japanese Journal of Religious Studies*, 34/1, pp. 99–126.

Suzuki, Michiko (2013). The Husband's Chastity: Progress, Equality, and Difference in 1930s Japan, *Signs*, Vol. 38, No. 2, pp. 327–352.

Tamura, Naomi (1893). *The Japanese Bride*, New York, Harper & B Publishers.

Usui, Chikako; Rose, Suzanna; Kageyama, Reiko (2003). Women, Institutions, and Leadership in Japan, *Asian Perspective*, Vol. 27, No. 3, pp. 85–123.

Wakakuwa, Midori; Paskowitz, Shiyang; Paskowitz, Tom (2001). The Gender System of the Imperial State, *U. S. – Japan Women's Journal*, English Supplement, No. 20/21, pp. 17–82.

Yamaguchi, Satoko (2003). Christianity and Women in Japan, *Japan Journal of Religious Studies*, 30/3–4, pp. 315–338.